

АНАТОЛИЙ ХРИТОВ

ВЛАСТЬ РЕЖИССЕРА КАК ВЛАСТЬ КАРДИНАЛА

Владимир Драгунов:
"Кнутом стараюсь не размахивать"

Говорят, власть одним ударяет в голову, а другим — по голове. Чтобы справиться с этим, нужно обладать недюжинной внутренней силой и умением постоянно держать себя в руках. Такие качества были у кардинала Ришелье, который до конца жизни не выпускал власть из своих цепких рук. За это он расплачивался одиночеством и опустошенностью. По крайней мере так считает режиссер Владимир Драгунов, поставивший в филиале Малого театра спектакль "Плащ кардинала" (пьеса Павла Гусева).

— Владимир Николаевич, вы ставите спектакли о власти. "Царь Иоанн Грозный" — ваш спектакль. Вы намеренно выбираете такую тематику?

— Я бы не сказал, что это спектакли только о власти. Меня больше интересует человек вообще. Но когда ты ставишь спектакль на историческую тему, всегда есть возможность сравнить прошлое с сегодняшним днем. То есть провести аналогии: что происходит с человеком, что происходит с властью, что происходит во взаимоотношениях человеческих. И, к сожалению, приходишь к неутешительным выводам.

— Что, сравнение не в пользу настоящего?

— К сожалению. Трудно сказать, что мы становимся лучше. Становится лучше власть? Нет, конечно. История нас ничему не учит. Мы, отважно преодолевая многочисленные преграды, ползем к пропасти. Если говорить о спектакле "Плащ кардинала", то и здесь меня больше интересовал человек. Мне интересно вместе с актерами искать, угадывать истоки поступков Ришелье, Сен-Мара, Анны Австрийской, короля Людовика... Меня интересовали вечные сомнения человеческие: что такое человек, что такое любовь, дружба, порядочность, существует ли это на самом деле... Мы живем в России, поэтому говорить можно и о Франции в роскошных декорациях и дорогих костюмах XVII века, но спектакль ставишь все равно про себя.

— Скажите, в чем особенность постановки исторической пьесы?

— В основе лежит одно: чтобы тебе эта пьеса была интересна. Если она историческая, то это требует знания исторического материала, погружения в эту эпоху. Только потом необходимо выпрыгнуть из нее во время, потому что, бывает, врастаешь накрепко, теряешь связь с тем, что происходит с нами сегодня.

— Актерам легко или трудно играть царственных особ? А может, в этом есть какое-то удовольствие?

— Конечно, в этом есть удовольствие. Мы зачастую люди очень зависимые, несвободные и кладем жизнь на то, чтобы получить эту свободу или хотя бы на некоторое время почувствовать ее замечательное ощущение. Поэтому играть царственных особ — значит, на какой-то момент разорвать скорлупу зависимости и почувствовать себя человеком, который может не просто вершить судьбы других, а творить свою собственную судьбу. Это гораздо интереснее.

— Но Ришелье любил манипулировать другими людьми...

— Здесь другая проблема: необходимость подчинять себе других людей — это в определенной степени наркотическая зависимость. Так же, как алкоголизм или пристрастие к игре. Это болезнь. У одних она есть, у других — нет. Я думаю, у Ришелье такая болезнь была. Но вот что давало ему силы? Вездь он был очень нездоровым человеком, у него были страшные головные боли, очень много других болячек, как теперь говорят. Тем не менее он работал, управлял страной даже на смертном одре, управлял современными политиками, добивался благополучия не только для своей семьи, но и для любимой Франции. Он очень многое смог

для нее сделать. Ришелье намеревался остаться в истории уважаемым человеком, и это безусловно ему удалось.

— Ришелье действовал методом кнута и пряника. Вам когда-нибудь приходилось чувствовать себя Ришелье: быть, по его собственным словам, строгим с некоторыми, чтобы стать добрым для всех?

— Я стремлюсь, чтобы люди, с которыми сочиняю спектакль, чувствовали интерес и необходимость этой работы. Всякое бывает. Но я стараюсь кнутом не размахивать. В этом отношении можно поучиться у Ришелье. Он говорил, что невозмутимость дает огромное преимущество. Это притом что он был очень нервным, ранимым человеком, но умел себя сдерживать и чисто внешне казался абсолютно спокойным.

— А каково работать с такими маститыми актерами, как, например, Ярослав Барышев?

— Я не могу сказать, что это легко, но работать с увлеченным талантливым человеком всегда интересно, можно общаться на уровне почти подсознательном... Существует "застольный" период, когда мы договариваемся, каким будет герой на сцене. И наступает момент, когда понимаешь, что вы чувствуете друг друга, что есть доверие. Вообще, когда актеры понимают своих героев и начинают на репетициях импровизировать, их предложения бываю очень точными. Надо только уметь отобрать их, исходя из замысла спектакля. Надо не бояться давать артисту свободу, тем более когда он играет такую роль, как Ярослав Барышев, — Ришелье. Потому что если артист чувствует давящую зависимость от режиссера, он никогда не будет свободным на сцене, он будет изображать эту свободу, а зритель в зале будет это чувствовать и не верить ему.

— Владимир Николаевич, вы можете определить свое личное отношение к Ришелье? И нужно ли это для постановки такого спектакля?

— Ну, конечно, отношение должно быть. Ведь через Ришелье, как и через других персонажей спектакля, вместе с автором пьесы и актерами ты передаешь свои сомнения, размышления о жизни, поэтому так или иначе с героями срастаешься. Я не берусь утверждать, но думаю, что в конце жизни Ришелье был человеком опустошенным. Он, как ему казалось, настолько понял природу человеческую, взаимоотношения между людьми, что не мог прийти ни к каким утешительным выводам ни о власти, ни о человеке. И тем не менее в последней его жизни, когда Ришелье разговаривает с Сен-Маром, у него все равно где-то в глубине души есть надежда: а вдруг этот парень предпочтет смерть плащу кардинала, откажется стать преемником его власти, его взгляда на эту жизнь? Все-таки каждый, даже самый изверившийся человек живет надеждой, что что-то есть по-настоящему хорошее, доброе в этом мире. И Ришелье ждет этого, даже несмотря на то, что вся его философия может дать серьезную трещину.

— Говорят, миром правит любовь. Ришелье любил кого-нибудь? Мог он себе это позволить?

— Мог ли позволить — это большой вопрос. Ведь любовь делает человека уязвимым. Ришелье ахиллесову пяту иметь не желал. Но я думаю, что такая глубокая, цельная, сильная личность способна не только держать в своих руках власть, она способна также на сильную страсть к женщине. Есть же легенда, и мы ее катаем в спектакле, что он был без ума от королевы Анны Австрийской. Но, как мне кажется, кардинал, когда ему было надо, умел справляться со своей страстью, так же, как в подходящий момент она вполне могла дать ей волю.

Спектакль "Плащ кардинала" будет дан на сцене филиала Малого театра 30 января, 4, 16, 21 и 27 февраля.

Светлана ОСИПОВА.